Факторы территориальных различий оттока и возвратности сельской молодежи в постсоветской России[1]

Л. Р. Имангулов

Линар Рамилевич Имангулов, младший научный сотрудник Научного центра изучения проблем сельских территорий Университета Вернадского, Московская область, Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 50. Аспирант, инженер географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Ленинские горы, д. 1, 119991.
E-mail: linar.imangulov.1999@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности постсоветской миграции сельской молодежи в российских регионах на основе статистических данных и результатов интервьюирования выпускников сельских школ, их родителей и экспертов. С использованием метода возрастного сдвига выявлен долгосрочный характер увеличения миграционного оттока сельской молодежи в постсоветский период с 5 до 18% и более в разрезе когорт родившихся в конце XX века. Подтверждена низкая привлекательность сельской местности большинства регионов России для жизни. Выявлено восемь типов регионов в соответствии с особенностями постсоветской миграции сельской молодежи, из которых только три типа характеризуются меньшим оттоком молодежи из сельской местности. Для каждого регионального типа определено соотношение выталкивающих, удерживающих и притягивающих сельскую молодежь факторов. Детально на основе полевых материалов описан достаточно редкий для сельской России вид возвратной миграции, проявляющийся в регионах избирательно. Обнаружено, что наиболее высока возвратность молодежи в южных аграрных регионах страны и в национальных республиках Северного Кавказа. Внутри этих регионов ее распространение также ограничено. Возвратная миграция молодежи на сельские территории описана на примере восьми сельских районов Башкортостана, Краснодарского края, Дагестана и Северной Осетии — Алании. В национальных республиках Северного Кавказа на возвратность молодежи на сельские территории влияет социальный фактор и низкая конкурентоспособность выпускников сельских школ на городских рынках труда, в Краснодарском крае — крупноселенный характер сельского расселения и высокие барьеры сельской молодежи для жизни в городах (например, высокие цены на недвижимость).

Ключевые слова: сельская молодежь, миграция населения, образовательная миграция, возвратная миграция, факторы миграции, сельские территории

EDN: NMKTIG

Актуальность исследования факторов миграции сельской молодежи обусловлена, с одной стороны, практической составляющей, выра-

1. Исследование проведено в рамках НИР «Факторы привлекательности сельской местности для возвратной образовательной миграции сельской молодежи».

женной в значительном дефиците кадров на сельских территориях (только в 2024 г., по оценкам Министерства сельского хозяйства России, общая потребность агропромышленного комплекса составляла не менее 200 тыс. чел.), с другой стороны — методической, обусловленной ограниченностью доступных статистических данных о миграционном движении населения и ненадлежащим качеством учета части передвижений. Последнее связано с особенностями текущей системы регистрации постоянного и временного местонахождения мигрантов и изменениями методики расчета (например, из-за автоматического возврата в сельскую местность выбывших после окончания обучения) (Кашницкий и др., 2016; Мкртчян, 2024). Дополнительно актуализирует исследование факторов миграции сельской молодежи территориальная дифференциация миграционных процессов, обусловленная значительной региональной дифференциацией сельской местности и направлениями ее трансформации в постсоветский период (Нефедова, 2012).

Целью данного исследования является выявление и оценка факторов постсоветской миграции сельской молодежи в российских регионах. Для достижения цели в исследовании поставлены следующие задачи: оценить масштабы миграции сельской молодежи, типологизировать регионы в соответствии с особенностями миграций молодежи, выявить факторы региональных различий миграционной подвижности сельской молодежи.

Обзор литературы

Исследование миграции молодежи является одним из ведущих направлений миграциологических и социально-географических исследований в современной науке по причине значительного влияния молодежи на формирование демографического потенциала территорий. Интерес к изучению миграций молодежи в России также обусловлен процессами социально-экономической поляризации и централизации государства в постсоветский период, в результате которых сложилось устойчивое территориальное соотношение мест выбытия и прибытия населения (Мкртчян, 2005).

Одной из главных причин роста миграций населения из села в город в постсоветский период является избыточность трудовых ресурсов в сельской местности и негативная динамика сельскохозяйственного производства (Нефедова, Мкртчян, 2017). На современном этапе прослеживается выраженная территориальная структура миграций, при которой население привлекают города и пригороды, меньше — периферия только благополучных регионов, в которой замещение своей молодежи происходит внешними мигрантами. В регионах, притягивающих молодежь, периферийные территории недосчитываются 10–20% молодежи, в теряющих (в целом) молодежь — 30–40% (Мкртчян, 2013). Миграция населе-

ния в сельской местности значительно различается также между населенными пунктами разного иерархического ранга (Мкртчян, 2024). Несмотря на то что социально-экономическая ситуация претерпевала серьезные трансформации, масштабы и направления миграции молодежи в межпереписные периоды 1989–2002 и 2003–2010 годов, как показали исследования, не имели существенных различий.

В отечественных и зарубежных исследованиях объект исследования — молодежь — редко разделяется по месту жительства на городские территории и сельскую местность. Согласно существующим оценкам, более половины российской молодежи мигрирует из сельской местности в города для получения среднего профессионального или высшего образования (Мкртчян, 2013). Однако лишь малая часть из них возвращается обратно в сельскую местность.

Возвратная миграция населения, как один из видов миграции, традиционно изучается при анализе миграционного обмена между странами в рамках глобальных перетоков рабочей силы. На постсоветском пространстве процессы возвратности мигрантов наиболее детально изучены на примере образовательной и трудовой миграции грузинской молодежи (Сулаберидзе и др., 2019) и трудовых мигрантов из стран Центральной Азии (Возвратная, 2020). Исследования ученых показывают, что социокультурный код мигрантов способен значительным образом повлиять на дальнейшую траекторию мигрантов. Например, в Грузии распространена стратегия возвращения грузин в более старших возрастах на родину из европейских стран. Большая часть мигрантов из Центральной Азии также в меньшей степени рассматривают страну иммиграции для жизни, что в целом характерно и для мигрантов из других развивающихся стран Ближнего Востока и Южной Азии.

Применительно к российской сельской местности исследование возвратной миграции населения ограничивается изучением временных и возвратных форм подвижности россиян в пространстве между городами и сельской местностью. Наиболее подробно географами-руралистами изучены перемещения населения на загородные дачи и феномен второго жилья горожан (Трейвиш, 2014), маятниковые миграции в пределах городских агломераций (Махрова и др., 2023) и временный отток жителей в большие города на работу с более длительными временными интервалами (Нефедова, 2015). Возвратной миграции населения относительно недавно был посвящен крупный проект РНФ под названием «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме» (2014–2016 гг.). Однако и в нем сюжеты возвратной миграции сельских жителей, относительно недавно мигрировавших в города, не были затронуты. Отчасти это объясняется скромной численностью обратных потоков.

Исследователи связывают это с тем, что сельские территории значительно уступают городам по уровню инфраструктурной осна-

щенности, состоянию рынка труда и другим характеристикам. Например, согласно последним исследованиям (Карцева и др., 2024), переезд сельских жителей в город значительным образом увеличивает их экономическое благосостояние за счет более высоких зарплат и развитости рынка труда в городах. Однако перечисленное выше не способствует в полной мере объяснению всех миграционных потоков, наблюдаемых в сельской местности. Есть также группа факторов, удерживающих население или способствующих возвращению сельской молодежи из города в места выбытия, о которых в современных исследованиях сказано мало.

Материалы и методы исследования

Миграция молодежи изучается с использованием как количественных методов анализа (например, Kashnitsky, 2018), так и качественных методов (например, Катровский, 2001; Карачурина, Флоринская, 2009; Шекера, 2024; Имангулов, Корюхин, 2024), а также при их совмещении (например, Миграция, 1970; Карцева и др., 2024).

Для оценки масштабов миграционного движения сельской молодежи в постсоветский период был использован метод возрастного сдвига (или метод передвижки возрастов), под которым подразумевается количественный анализ численности населения одной и той же когорты в разных возрастах. В работе с применением данного метода были оценены масштабы миграционного движения молодежи в сельской местности для трех поколений, родившихся в 1984–1988, 1989–1993 и 1996–2000 годы на основе данных переписей населения. Это позволило выявить миграционные тенденции в сельской местности России в целом и регионов в частности в постсоветский период. Актуальность применения метода возрастного сдвига также обусловлена появлением новых данных возрастной структуры и численности населения в результате проведения переписи населения 2020 года, а также в связи с отсутствием его апробации применительно к сельской местности на региональном и внутрирегиональном уровнях.

В целях конкретизации особенностей миграционного движения молодежи в сельской местности российских регионов были косвенно проанализированы миграционные стратегии учащихся последних лет в возрасте 17–21 года на основе сопоставления данных численности учащихся сельских школ в 9-х и 10-х классах, поскольку образовательная миграция является основным каналом выбытия молодежи из сельской местности. Судить на основании этого показателя о миграционных стратегиях выпускников можно исходя из того, что для получения среднего профессионального образования достаточно закончить 9 классов, а для высшего — 11 и разной степени возвратности в сельскую местность молодежи после окончания средних учебных заведений (далее — сузов) и высших учебных заведений (далее — вузов). Однако не всегда данный показатель может свиде-

тельствовать о реальных стратегиях сельской молодежи по ряду причин. Однако это позволило дифференцировать преобладающие стратегии поведения сельской молодежи в первом приближении.

Для составления типологии регионов по особенностям миграции сельской молодежи использовались два основных критерия: масштабы миграционного движения сельской молодежи, ее особенности на примере преобладающих стратегий выпускников школ. Далее, на основании региональной дифференциации миграционной ситуации были определены факторы, обуславливающие миграции сельской молодежи.

Возвратность молодежи на сельские территории исследована на примере 8 сельских районов из разных региональных типов. Исследовательский акцент смещен в пользу более южных и срединных регионов европейской части России по причине их меньшей изученности в сравнении с регионами Нечерноземья и Европейского Севера, которым посвящена целая серия публикаций в постсоветский период с выводами о крайне низкой доле возвратности молодежи на сельские территории (Краснослободцев, Савоскул, 2004; Аверкиева, 2021; Аверкиева, 2024; Карцева и др., 2024; Давиденко и др., 2025). Для оценки масштабов и выявления факторов возвратной миграции молодежи в сельских районах были применены следующие качественные методы: анкетирование, метод глубинного и экспертного интервью с учащимися, их родителями, представителями администраций муниципальных образований и общеобразовательных учреждений. В анкетировании приняли участие 108 человек, всего было опрошено 42 эксперта (представители общеобразовательных учреждений, вузов и сузов) и 27 родителей учащихся и выпускников в рамках изучения миграционных процессов.

При анализе факторов миграционных стратегий сельской молодежи, различающихся территориально, автор использовал метод экономико-географической характеристики, который позволил описать комплексно факторы, определяющие миграционную ситуацию в районах. Сравнительно-географический метод был применен для выявления факторов пространственной гетерогенности процессов возвратной миграции сельской молодежи. Автор также придерживается принципа географической полимасштабности, при котором социально-экономические процессы изучаются на разных взаимосвязанных территориальных уровнях.

Масштабы миграционного оттока сельской молодежи по регионам

5,6% сельских жителей России (или 183 тыс. чел.), рожденных в 1984–1988 гг., к 2010 г. покинули сельскую местность после окончания школы. К 32–36 годам, согласно данным переписей населения, численность сельской молодежи с 2002 по 2020 г. сократилась

на 11,7% (379 тыс. чел.). На межрегиональном уровне масштабы сокращения численности когорты имеют большую вариацию значений: от -73,4% в Магаданской и -52,9% в Курганской областях до +38,8% в Ленинградской и +56,4% в Московской областях (рис. 1). Лишь в 10 регионах из 81 численность когорты не изменилась, либо увеличилась. В остальном большинстве регионов, особенно на Европейском Севере и в Сибири, происходило сокращение численности сельской молодежи из-за миграции по образовательным и экономическим соображениям (например, в ХМАО, Сахалинской, Московской и Ленинградской областях).

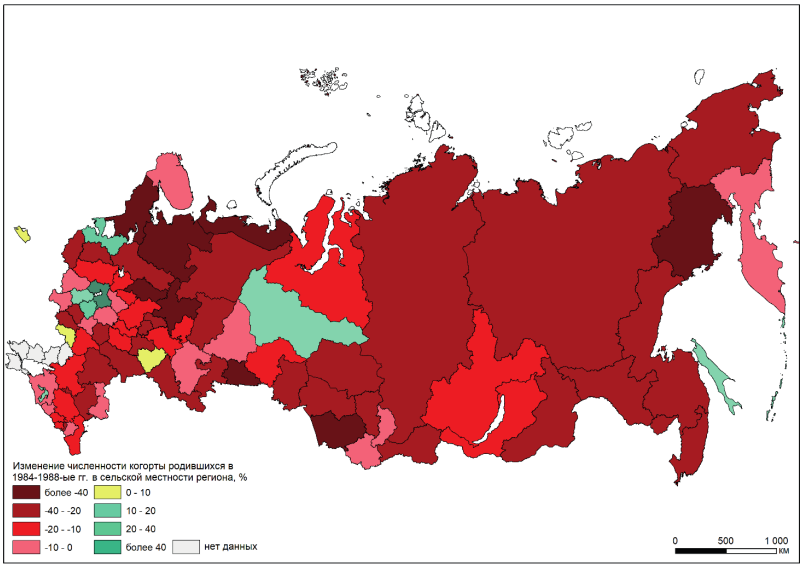

Рис. 1. Изменение численности когорты родившихся в 1984–1988 гг. в сельской местности региона в 2002–2020 гг., %. Составлено автором по данным Росстата.

Численность следующей когорты родившихся в 1989–1993 гг. сократилась в 2010–2020 гг. значительнее, на 13,7% (290 тыс. чел.), а когорты родившихся в 1996–2000 гг. — на 17,5% (300 тыс. чел.). Это свидетельствует о долгосрочном нарастающем миграционном выбытии молодежи из сельской местности страны.

Межрегиональная дифференциация межпереписной динамики численности когорты родившихся в 1996–2000 гг. в целом сопоставимы с когортой родившихся в 1984–1988 гг. (рис. 2). Несколько изменился состав регионов-лидеров за счет увеличения убыли сельской молодежи в ХМАО, Сахалинской и Калининградской областях по причине изменения экономической динамики развития регионов. Численность сельской молодежи также увеличилась в КЧР и КБР, вероятно, из-за ошибок статистического учета, и в Мурманской об-

ласти. Европейский Север, Нечерноземье, Сибирь и Дальний Восток стали терять больше сельской молодежи, а в Поволжье, наоборот, масштабы сокращения численности сельской молодежи стали меньше. Таким образом, увеличение выбытия молодежи из сельской местности на национальном уровне происходит за счет все большей депопуляции сельской местности регионов с неблагополучной социально-экономической ситуацией.

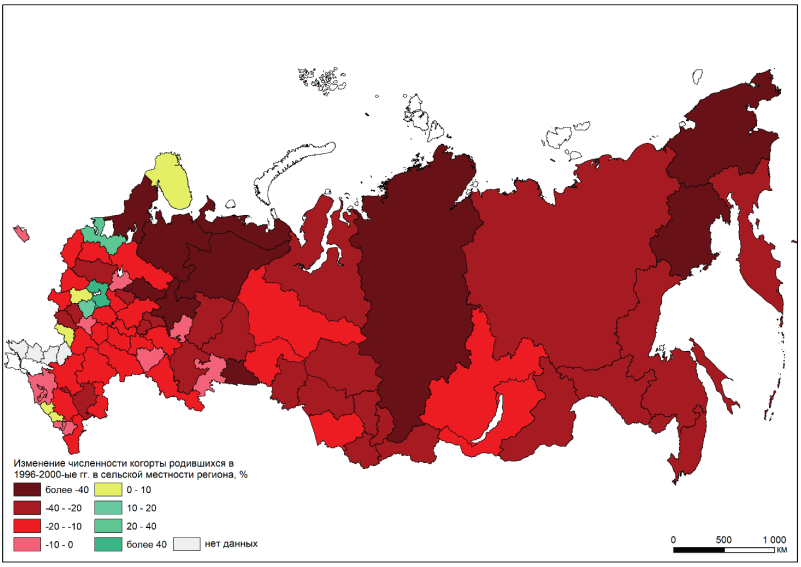

Рис. 2. Изменение численности когорты родившихся в 1996–*2000 гг. в сельской местности региона в 2010–2020 гг., %. Составлено автором по данным Росстата.*

Образовательная миграция как основной вид миграции

Вероятность незакрепления в городе или возвращения обратно в сельскую местность после получения среднего профессионального образования выше, чем при получении высшего. Во многом это связано с различиями в мотивациях выпускников сельских школ. Полевые обследования автором сельских районов европейской части России выявили, что те, кто поступает в вузы — более замотивированные и амбициозные, имеющие цель — остаться в будущем жить в крупных городах. Обнаружить в сельской местности выпускников областных и столичных вузов практически невозможно. Как правило, это исключения. Однако выпускников сузов в сельской местности можно встретить гораздо чаще, например, по причине не сложившейся учебы, отсутствия мотивации и других причин. Подтверждает сказанное отрицательный социальный отбор

в сельской местности, обнаруженный исследователями в постсоветский период (Муханова, 2015).

Анализ современных данных Министерства просвещения России подтвердил, что наиболее распространенной стратегией для большинства учащихся в сельской местности по-прежнему остается поступление в сузы после получения девятилетнего основного общего образования (не менее 64,5%). На тех, кто перешел в 10-й класс в 2024 г., пришлось только 35,5% учащихся. При этом далеко не все из последних поступают в вузы по разным причинам. Например, родители части выпускников 9-го класса не готовы отправлять своих детей в город, особенно если он расположен далеко от дома, в силу возраста и несамостоятельности детей.

В российских регионах показатель перехода выпускников 9-го класса в 10-й различается (рис. 3). Прослеживаются существенные различия в показателе между регионами в границах главной полосы расселения населения России и регионами за ее пределами (Европейский Север, Сибирь и Дальний Восток). В первой группе регионов показатель перехода учащихся достаточно низкий (в среднем — 30–35%), во второй — выше (в среднем — 45–50%).

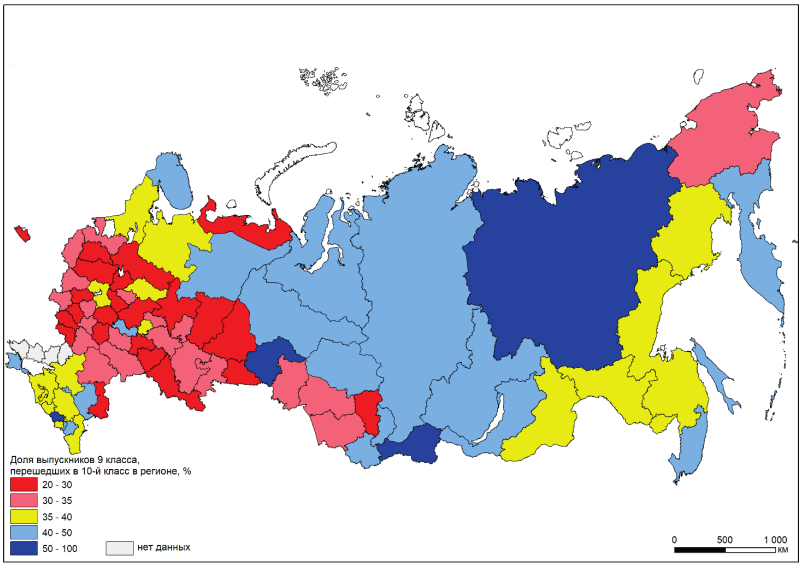

Рис. 3. Доля выпускников 9-го класса, перешедших в 10-й класс в сельской местности региона в 2023–*2024 гг. Составлено автором по данным Министерства просвещения России.*

Вероятно, это обусловлено в первую очередь различиями в характере расселения в сельской местности. В наиболее освоенной человеком южной и срединной части России дистанция до ближай-

шего города (до 50–100 км) значительно меньше, чем в более северных регионах (более 100–200 км). Кроме того, существуют различия в конкурентоспособности выпускников и их мотивациях между регионами с длительной депопуляцией еще с начала XX века (староосвоенные регионы Нечерноземья) и регионами, которые начали испытывать депопуляцию сравнительно недавно из-за сокращения северных субсидий и усложнения жизни (регионы Сибири и Дальнего Востока). Значения показателя, близкие к средним по стране на юге, в Краснодарском крае и национальных республиках Северного Кавказа, возможно, связаны также с более поздним началом депопуляции сельской местности.

Типология регионов по особенностям миграции сельской молодежи

Сопоставление показателей, характеризующих масштабы выбытия сельской молодежи в постсоветский период и их специфику, позволило выявить 8 преобладающих типов российских регионов по особенностям миграционного оттока молодежи из сельской местности (рис. 4).

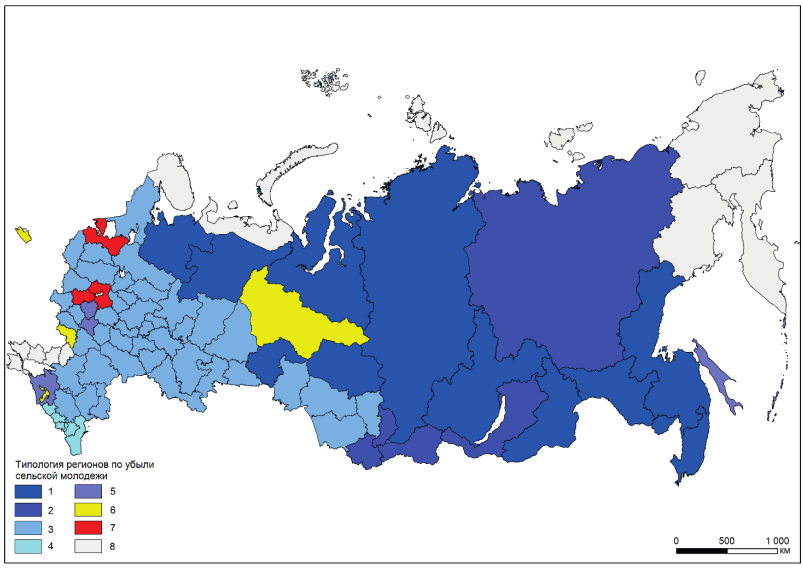

Рис. 4. Типология российских регионов по особенностям миграционного движения сельской молодежи[2]. Составлено автором.

2. Название типа региона представлено ниже и соответствует нумерации в тексте.

Наиболее высокие масштабы оттока сельской молодежи характерны для *северных регионов (тип 1)*, в которых они сопряжены с обвальным сокращением численности сельского населения в постсоветский период из-за резкого ухудшения качества жизни (табл. 1). Ориентация молодежи на переезд в город в них иллюстрирует также сравнительно высокая доля выпускников 9-го класса, перешедших в 10-й. *В национальных республиках Сибири и Северного Кавказа (тип 2 и 5)* с незавершенностью во многом урбанизационных процессов миграция сельской молодежи имеет этническую специфику. На Северном Кавказе она, например, выражается в высокой роли социального капитала при выборе будущего места проживания, наличия гендерных различий в миграционных стратегиях выпускников сельских школ. В немногочисленных региональных типах со сравнительно небольшим выбытием сельской молодежи — *благополучных регионах (тип 5–6) и регионах-пригородах (тип 7)* — отмечается большее многообразие миграционных стратегий выпускников сельских школ. Вследствие более высокого уровня благополучия сельской местности этих регионов масштабы выбытия молодежи в них ниже, выше также ее возвратность на сельские территории после получения образования в городе, также значим приток сельской молодежи из регионов других типов.

Таблица 1. Характеристика региональных типов

Наименование регионального типа	Состав	Доля сельского населения, 2025 г., %	Динамика численности сельского населения, 1992–2025, %	Изменение численности рожденных в 1990-е гг., %	Доля учащихся 9-го класса, перешедших в 10-й, %	Прочие особенности миграции сельской молодежи
Северные регионы (тип 1)	Регионы Сибири, Дальнего Востока, Европейского Севера	от 15 до 41	от -48 до -4	от -50 до -15	от 30 до 60	Обвальная миграция молодежи
Национальные республики Сибири (тип 2)	Респ. Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия, Саха (Якутия)	от 31 до 70	от -12 до +4	от -35 до -10	от 40 до 80	Этническая специфика миграции, незавершенность процессов урбанизации
Регионы в границах главной полосы расселения (тип 3)	Регионы Центра, Поволжья, Урала, юга Западной Сибири	от 13 до 53	от -52 до +6	от -50 до 0	от 20 до 50	В составе регионы с разным уровнем благополучия сельской местности и ее характеристиками — северные, южные, национальные

Национальные республики Северного Кавказа (тип 4)	Респ. Дагестан, Ингушетия, РСО-Алания, КБР, КЧР	от 37 до 60	от +10 до +70	от -20 до 0	от 35 до 55	Этническая специфика миграции, незавершенность процессов урбанизации
Благополучные регионы (тип 5)	Краснодарский край, Липецкая и Сахалинская области	от 17 до 43	от -27 до +16	от -5 до +30	от 30 до 45	Межрегиональный приток молодежи
Благополучные другие регионы (тип 6)	Белгородская и Калининградская области, Республика Адыгея, ХМАО	от 8 до 51	от +1 до +32	от -5 до +5	от 25 до 50	Межрегиональный приток молодежи
Регионы-пригороды (тип 7)	Московская, Ленинградская и Калужская области	от 22 до 30	от -5 до +42	до +50	от 25 до 35	Межрегиональный приток молодежи, распространена маятниковая миграция
Прочие регионы (тип 8)	НАО, Чукотский АО, Магаданская область, Камчатский край	от 3 до 25	от -92 до -29	от -60 до +10	от 20 до 50	Скромные размеры сельской местности и особый тип ее функционирования

Источник: составлено автором по данным Росстата и Министерства просвещения России.

Соотношение разных групп факторов миграции сельской молодежи в регионах

На современном этапе к стандартным факторам, обуславливающим отток молодежи из сельской местности (Миграция, 1970), добавляются важность самореализации, окружение, развитость инфраструктуры досуга и т.д. (Краснослободцев, Савоскул, 2004; Муханова, 2015). Одни и те же факторы способны по-разному влиять на миграцию. Например, состояние рынка труда может в разных типах регионов способствовать как убыли, так и стабилизации, росту численности сельской молодежи.

Все многообразие факторов, определяющих миграцию сельской молодежи в регионе, можно сгруппировать по силе действия и влияния на территорию: удерживающие, выталкивающие и притягивающие (Lee, 1966). Первые две группы факторов определяют миграционное движение между селом и городом внутри региона, третья группа факторов — привлекательность сельской местности региона на вну-

трирегиональном и межрегиональном уровне. Миграционные настроения сельской молодежи в конкретном регионе или муниципальном образовании определяются соотношением указанных групп факторов.

Данное соотношение факторов с разным эффектом влияния на миграцию заметным образом различается между разными типами регионов (табл. 2).

Таблица 2. Значимость влияния разных групп факторов на миграцию молодежи в разных региональных типах на современном этапе

Тип региона по особенностям миграции сельской молодежи	Факторы		
	Удерживающие	Выталкивающие	Притягивающие
Северные регионы	-	+	-
Национальные республики Сибири	-	+	-
Регионы в границах главной полосы расселения	-	+	-
Национальные республики Северного Кавказа	+/-	+/-	-
Благополучные регионы	+/-	+/-	+
Благополучные другие регионы	+/-	+/-	+
Регионы-пригороды	+	+/-	+
Прочие регионы	-	+	-

* Примечание. Значимость разных групп факторов: «+» — высокая, «+/-» — средняя, «-» — низкая, или факторы с данным эффектом отсутствуют. Составлено автором.

Для 4 региональных типов — северных регионов, регионов в границах главной полосы расселения, национальных республик Сибири и прочих регионов — значимы факторы преимущественно выталкивающего характера. Во многом это обусловлено низким уровнем инфраструктурного развития сельской местности, ее уровнем транспортной связности, состоянием рынка труда и ограниченностью развития досуговых форм активностей. Все это создает в них преимущественно негативный фон, выраженный в значительном оттоке молодежи из сельской местности.

Факторы миграционного движения сельской молодежи в национальных республиках Северного Кавказа также преимущественно выталкивающего характера. Особенно ярко они прослеживаются на сельских территориях горных областей. Однако некоторые факторы (социокультурный) способствуют удерживанию молодежи в сельской местности.

Для остальных региональных типов — благополучных регионов, благополучных других регионов и регионов-пригородов — ха-

рактерно более сложное соотношение факторов разного характера. Причина — сравнительно лучшая социально-экономическая динамика развития регионов в постсоветский период, что имеет отражение в том числе в состоянии сельских территорий. Это обуславливает миграционную привлекательность данных типов регионов для межрегиональных потоков мигрантов, а также способствует частичному удерживанию в сельской местности молодежи. Вместе с этим в регионах данного типа наблюдается в том числе действие факторов выталкивающей силы: например, агломерационного фактора в благополучных регионах и в регионах-пригородах.

Возвратная миграция молодежи в регионах разных типов

Одним из видов миграции, фиксируемом на сельских территориях, является возвратная миграция, то есть обратный поток в прошлом сельского населения из города в сельскую местность. Обследование муниципальных образований более чем в 10 регионах страны позволило подтвердить локальный характер данного явления. В северных регионах и регионах средней полосы возвратная миграция молодежи встречается крайне редко. Однако в южных регионах было выявлено ее более широкое распространение. Сравним масштабы возвратной миграции и ее причины в сельских районах регионов из трех типов, расположенных на юге и в средней полосе России (рис. 5) с разной постсоветской динамикой развития (табл. 3).

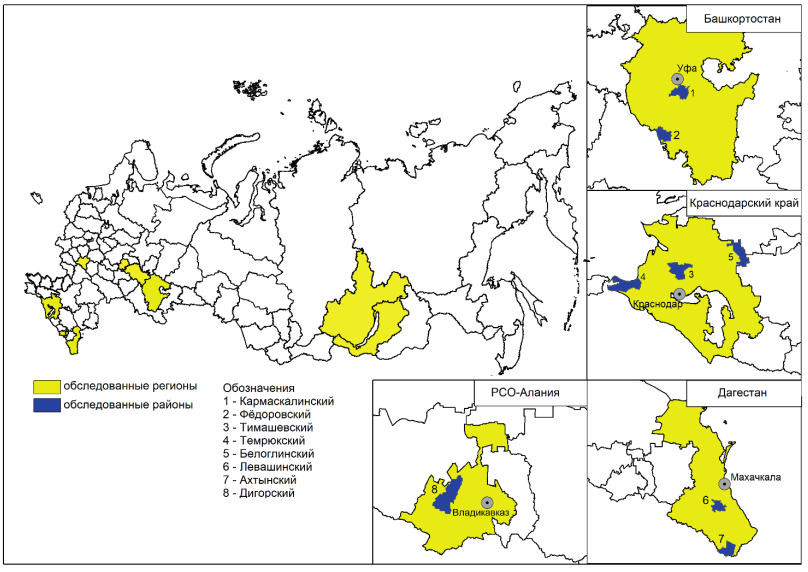

Рис. 5. Регионы и районы обследования. Составлено автором.

Фёдоровский район Башкортостана отличается крайне высоким оттоком сельской молодежи и низкой долей ее возвратности, что в целом сопоставимо с районами Центральной России. Следствием оттока молодого населения в районе является активная оптимизация сети детских и общеобразовательных учреждений (рис. 6). Большая часть выпускников сельских школ остается в городах по причине ограниченности мест приложения труда и низкого уровня развития инфраструктуры. Вместе с этим есть сельские населенные пункты (далее — СНП), в которых отмечается возвращение молодежи после получения среднего профессионального образования (например, в чувашских и башкирских СНП), что связано в основном с отходничеством (работа в северных регионах). Случаи возвращения молодежи после окончания вуза в район единичны.

Рис. 6. Сельская школа в Покровке со значительным недобором учащихся. Фотография из личного архива автора.

Пригородный *Кармаскалинский район* имеет меньший отток сельской молодежи и большую долю ее возвратности в сравнении с Фёдоровским районом Башкортостана. Этому способствует близость Уфы, развитие системы общественного транспорта и достаточно высокие для сельских жителей цены на жилье в региональном центре.

Таблица 3. Характеристика миграционной ситуации в обследованных сельских районах

Регион		Северная Осетия — Алания	Дагестан		Краснодарский край			Башкирия	
Тип региона		Национальные республики Северного Кавказа	Национальные республики Северного Кавказа		Благополучные регионы			Регионы в границах главной полосы расселения	
Муниципальный район		Дигорский	Ахтынский	Левашинский	Белоглинский	Темрюкский	Тимашевский	Фёдоровский	Кармаскалинский
Положение района в модели «Центр-Периферия» (в скобках расстояние от районного центра до регионального, км)		Полупериферийный (51)	Периферийный (248)	Полупериферийный (93)	Периферийный (229)	Полупериферийный (144)	Полупериферийный (71)	Периферийный (215)	Полупериферийный (54)
Динамика численности населения, 1989–2020 гг., %		-4,8	+9	+105	-10	+19,4	+16,1	-17,7	+15,4
1986–1990	Изменение размера когорты родившихся в … в 2010–2020 гг., %	-22,8	-19,1	-9,0	-4,4	+8,4	-0,5	-39,2	-27,3
1996–2000		-6,8	-15,9	-8,5	-8,7	+0,3	+20	-23,7	-25,8
Доля современной возвратной миграции, % (оценочно)		20-30	<30	30-50	20-40	>50	30-50	<20	>20
Удерживающие	Значимость влияния разных групп факторов на миграцию молодежи в районе*	+/-	-	+	+/-	+	+	-	+/-
Выталкивающие		+	+	+/-	+	-	+/-	+	+/-
Притягивающие		-	-	-	-	+	+/-	-	+/-

* Примечание. Значимость разных групп факторов: «+» — значимый, «+/-» — средне значимый, «-» — незначимый, или факторы с данным эффектом отсутствуют. Составлено автором по данным Росстата и результатов комплексных полевых обследований сельских районов.

В периферийном *Белоглинском районе* возвратность молодежи выше, чем в среднем по России и в Башкортостане, но ниже, чем в Тимашевском и Темрюкском районах. Примерно 30–40% выпускников 9-го класса в районе переходят в 10-й класс. После 9-го класса выпускники поступают также в Белоглинский аграрно-технический колледж, основанный как учебный комбинат в 1974 г. (рис. 7). В настоящее время это крупное для района учебное заведение, насчитывающее примерно 500 обучающихся и 30 преподавателей. Колледж востребован в районе из-за небольшой цены обучения и транспортной близости. После его окончания выпускники преимущественно остаются жить в Белоглинском районе, часть из них трудоустраивается в сельском хозяйстве. Среди выпускников 11-го класса много многобалльников, часть из которых по окончании вуза в том числе возвращается в сельскую местность.

Рис. 7. Белоглинский аграрно-технический колледж. Фотография из личного архива автора.

Сохранившиеся почти в каждом крупном СНП коллективные предприятия с существенной занятостью местного населения (от 100 человек) стабилизируют динамику населения и сельского расселения в Белоглинском районе. Сдерживает отток сельской молодежи в Белоглинском районе, как в Тимашевском и Темрюкском районах, также сравнительно крупноселенное расселение (средний размер СНП составляет 2,2 тыс. чел.), за которым кроется лучшая инфраструктурная оснащенность СНП, и нетипичные установки молодежи. Некоторые выпускники отметили, что остаются в районе в том числе из-за привычных для них клима-

тических условий: *«У нас не хотят уезжать оттуда, где тепло и комфортно жить»*.

Значительно выше возвратность сельской молодежи в Тимашевском районе Краснодарского края (30–50%). Она характерна как для выпускников сузов, так и вузов. Способствует этому наличие сравнительно высокооплачиваемых мест приложения труда непосредственно в районе. В Тимашевском районе располагается крупнейший в регионе агропромышленный кластер, функционирование которого отчасти компенсировало оптимизацию мест приложения труда в переходный период. В результате население даже периферийных СНП имеет возможность работать в районе. Тимашевский район также миграционно привлекателен для молодежи регионов севера и средней полосы страны. Это иллюстрирует рост численности когорт 2000-х гг. рождения (+20%). Возвращение молодежи в СНП исхода связано в том числе с высокой стоимостью жилья в Тимашевске по причине дефицита земельных ресурсов в районе. Примечательны различия в стратегиях выпускников внутри района: доля перехода выпускников 9-го класса в 10-й различается между СНП: в периферийных и менее крупных она, как правило, минимальна (менее 20–30%), в то время как в более крупных СНП она выше.

В приморском Темрюкском районе низкий отток сельской молодежи и высокая доля ее возвратности в сельскую местность после окончания обучения (оценочно более 50%) в том числе связаны с преимущественно крупноселенным расселением. Средний размер СНП в районе без Темрюка составляет 2,3 тыс. человек. Однако возвратная миграция выпускников сельских школ, получивших высшее образование в городе, не так высока (менее половины), что свидетельствует о том, что при принятии решения о миграции для высокообразованных и замотивированных представителей молодежи важнее притягивающие факторы.

Для предгорного Дигорского района, несмотря на общие для большинства сельских районов страны негативные тенденции постсоветской динамики развития экономической базы, характерен меньший отток сельской молодежи и более высокая доля ее возвратности. Убыль когорт рожденных в 1990–2000-е гг. не превышает, согласно статистике, 20%. После 9-го класса в Дигорском районе из школы уходит в среднем половина выпускников (в основном в сузы Владикавказа и Ардона). После окончания суза выпускники чаще остаются в Дигорском районе, после получения высшего образования возвратная миграция в Дигорский район минимальна. Причины — близость региональной столицы, в которую ежедневно на заработки отправляется не менее 10% трудоспособного населения района, и другие миграционные установки населения, о которых не раз говорили местные жители в многочисленных интервью: *«Нам комфортно жить на селе. Для нас важно жить среди своих. Многие жили в крупных городах, в Москве, Владикавказе, но обратно возвращаются сюда»*.

Рис. 8. Закрытый завод по производству спирта из кукурузы в Дигорском районе (до 2015 г. на нем работало 250 чел.). Фотография из личного архива автора.

Сельские поселения района имеют схожую миграционную картину (низкий/средний миграционный отток населения) за исключением Николаевского сельского поселения с преимущественно русским населением. В нем более высокая миграционная подвижность русского населения в связи с другими установками определяют сравнительно большие масштабы выбытия населения и молодежи.

В высокогорном Ахтынском районе значительный отток сельской молодежи в города Дагестана и Западной Сибири, Москву и низкая доля ее возвратности на сельские территории обусловлены постсоветской деградацией экономической базы. Население района социально модернизированное, менее религиозное и более мобильное, в отличие от Левашинского района. Это также отражается на миграционных стратегиях молодежи. Выпускники сельских школ стараются по возможности закрепиться в городе после получения образования, что подтверждает официальное сокращение численности родившихся в 1990–2000-е гг. до 20%. Реально лишь небольшая часть выпускников сельских школ после жизни в городе возвращается (менее 20%). Чаще всего они возвращаются в районный центр, образующий с соседними СНП сельскую агломерацию (более 20 тыс. человек), в которую стекается население со всего района (рис. 9).

Рис. 9. Панорама разрастающегося на террасах бывшего сельскохозяйственного значения села Ахты. Фотография из личного архива автора.

Левашинский район, в отличие от большинства горных и высокогорных районов, характеризуется сравнительно меньшим оттоком молодежи и более высокой долей ее возвратности на сельские территории по причине развития предпринимательства и агропроизводства (выращивание овощей) (рис. 10), близости района к региональной столице и высокой роли религии, укрепившей в постсоветский период свои позиции в обществе.

Примерно от трети до половины сельской молодежи не покидает район для получения образования. Из тех, кто оканчивает сузы и вузы, до половины возвращается в СНП исхода. Наиболее распространенные варианты миграционного поведения сельской молодежи в Левашинском районе — «учился до 9-го класса, остался в селе работать», «учился до 9/11-го класса, уехал на заработки», наименее распространенные — «учился до 11-го класса, уехал учиться и вернулся». Зачастую выпускники и их родители не видят явных преимуществ в продолжении образования и получении профессии в связи с низкой заработной платой по совокупности специальностей при наличии сравнительно высоких доходов в семейном бизнесе. Вот что считают местные жители относительно получения образования: *«А зачем ему продолжать учиться? Он хочет зарабатывать деньги. Он будет выращивать капусту и получать доход в разы больше, чем получивший образование. К этому времени у него будет дом, семья, бизнес»*.

Рис. 10. Посевы белокочанной капусты на частных участках на окраинах села Леваши. Фотография из личного архива автора.

Выбор жизненной траектории выпускником после окончания школы в Левашинском районе зависит от многих факторов: уровень образования родителей, уровень материального благополучия семьи, наличие родственников в городах потенциальной миграции, наличие семейного дела, пол выпускника. Существенны различия масштабов миграционного оттока также на межпоселенческом уровне: районный центр и соседствующие с ним СНП характеризуются большим оттоком сельской молодежи, в то время как периферийные СНП гораздо меньшим. Например, в селениях Леваши и Кутиша до половины выпускников уезжают в города Дагестана и другие регионы России для получения образования. При этом возвращаются чаще девушки, чем мужчины. Это также подтверждает цитата из интервью с директором сельской школы: *«Половина выпускников вернется, чаще девушки. В основном они выходят замуж тут и остаются»*. А вот в периферийных селениях Уллуая и Наскент, наоборот, большинство выпускников (более 90%) не получают образования после окончания школы. Юноши включаются в семейный бизнес и остаются жить в селе, девушки выходят замуж, помогают по хозяйству.

Факторы возвратной миграции молодежи на сельские территории

Анализ миграционной ситуации в сельских районах с разными характеристиками показал, что масштаб возвратности молодежи на сель-

ские территории зависит от целой совокупности факторов, которые в зависимости от территории будут иметь разную силу действия. Анализ миграционной ситуации в обследованных сельских районах показал, что факторы, притягивающие и удерживающие молодежь, особенно значимы для пригородных районов и благополучных районов, расположенных на юге, а факторы, выталкивающие молодежь — для периферийных районов с негативной постсоветской динамикой развития. Социальное окружение (в том числе прочность родственных связей), обязательства, установки (мотивации) сельской молодежи также способны повлиять на преобладающие миграционные стратегии молодежи. Влияние первых двух факторов оказалось наиболее значимым для этнически выраженных территорий и для южных территорий с особым менталитетом населения.

Каждый из факторов имеет свой механизм влияния на принятие решения человеком о возврате на сельские территории (табл. 4). Кроме того, эти факторы различаются значимостью.

Таблица 4. Факторы, определяющие возвратность миграции молодежи на сельские территории

Фактор	Механизм влияния	Рекомендации
Географическое положение	При уменьшении удаленности СНП от крупных населенных пунктов, транзитных магистралей и городов возвратность молодежи возрастает, и наоборот	Улучшение транспортной связности
Размер НП (в случае поселенческого уровня)	Чем крупнее СНП, тем выше возвратность молодежи, и наоборот	-
Экономическая база	Чем более развита экономическая база СНП, тем выше возвратность молодежи, особенно после окончания суза, и наоборот	Привлечение инвестиций, развитие местных инициатив, поощрение самозанятости и т.д.
Стоимость жилья	Чем более высокая стоимость жилья в регионе, тем выше вероятность возвратности молодежи, и наоборот	Увеличение доступности жилья в сельской местности в регионах с высокой стоимостью жилья
Инфраструктурная оснащенность	Чем более развитая инфарструктура в СНП, тем выше вероятность возвратности молодежи, и наоборот	Развитие инфраструктуры и благоустройства
Социальное окружение	Чем более сплоченное социальное окружение (высокий социальный капитал), тем выше возвратность молодежи, и наоборот	-

Социальные обязательства	При наличии социальных, в первую очередь семейных обязательств, выше возвратность молодежи	-
Установки и мотивация	При более высокой замотивированности молодежи возвратность, как правило, сокращается по причине того, что сельская местность не способна реализовать часть желаний, при низкой — процент оседания в городе ниже по причине другого восприятия сложностей	Профориентационная работа

Составлено автором на основе полевых материалов и наблюдений.

Заключение

Отток молодежи из сельской местности, известный еще с советского периода, остается актуальным и для современной России. Данные официальной статистики показывают увеличение оттока молодежи с 6 до 20% в разрезе когорт родившихся в 1984–1988, 1989–1993 и 1996–2000 гг. Это свидетельствует о долгосрочном нарастающем миграционном выбытии молодежи из сельской местности в стране, что в целом соотносится с ростом территориальной мобильности сельского населения в постсоветский период (Давиденко и др., 2025). Однако в реальности масштабы оттока молодежи из сельской местности гораздо выше согласно результатам полевых обследований сельских районов. Причины — сохранение постоянной регистрации в сельской местности у выбывших из сельской местности и перераспределение сельского населения в пользу пригородов.

Миграционный отток сельской молодежи регионально дифференцирован: значительный отток сельской молодежи наблюдается на Европейском Севере и Дальнем Востоке, и в Сибири на фоне меньшего оттока молодежи в регионах средней полосы и юга страны. Межрегиональная дифференциация межпереписной динамики размера когорт родившихся в 1984–1988-е гг. и позднее сопоставимы. Нарастает также межрегиональная поляризация миграций молодежи, выраженная в сокращении регионов со стабильной численностью молодежи, или ее ростом.

Основной канал миграции молодежи из сельской местности по-прежнему образовательный. Вероятность возвращения обратно в сельскую местность после получения среднего профессионального образования выше, чем при получении высшего. Во многом это связано с различиями в мотивациях выпускников сельских школ. Образовательные стратегии выпускников сельских школ территориально различаются: существенны различия в доле перехода выпускников 9-го класса в 10-й между регионами в границах главной полосы расселения населения России с низкими значениями и регионами за ее пределами с более высокими (Европейский Север,

Сибирь и Дальний Восток). Вероятно, это связано с различиями в характере расселения населения в сельской местности и размещения образовательных учреждений.

Восемь выявленных в работе типов регионов заметно различаются масштабами выбытия сельской молодежи в постсоветский период и спецификой миграций. Только три типа характеризуются менее масштабным оттоком молодежи из сельской местности — благополучные регионы, благополучные другие регионы и регионы-пригороды. Это свидетельствует о крайне низкой распространенности возвратной миграции молодежи в сельскую местность большинства регионов, либо ее наличии в ограниченном масштабе в немногочисленных.

Для северных регионов, регионов в границах главной полосы расселения, национальных республик Северного Кавказа и Сибири и прочих регионов — значимы факторы преимущественно выталкивающего характера. Для территориально разобщенных на карте благополучных регионов, благополучных других регионов и регионов-пригородов — характерно более сложное соотношение факторов разного характера. Например, для них наравне с факторами, притягивающими молодежь, характерно наличие факторов выталкивающей силы: например, агломерационного фактора, что связано с многокомпонентностью влияния экономического развития на сельские территории.

Возвратная миграция молодежи на сельские территории — редкий для России вид миграций. Он характерен для ограниченного количества регионов с благоприятной социально-экономической ситуацией в сельской местности. Масштабы возвратности населения выше среднероссийского уровня (оценочно более 20%) характерны в основном для благополучных южных регионов и национальных республик Северного Кавказа. При этом доля возвращения молодежи из городов на сельские территории после получения образования в этих регионах существенным образом различается на внутрирегиональном и межпоселенческом уровнях.

Факторы, притягивающие молодежь, особенно значимы для пригородных районов и благополучных районов, расположенных на юге, факторы, выталкивающие молодежь, — для периферийных районов с негативной постсоветской динамикой развития. Социальное окружение (в том числе прочность родственных связей), семейные обязательства, установки (мотивации) сельской молодежи также способны повлиять на преобладающие миграционные стратегии молодежи. Влияние первых двух факторов оказалось наиболее значимым для этнически выраженных территорий и для южных территорий с особым менталитетом населения.

Установки (мотивации) также формируют неоднородность выбытия сельской молодежи из сельской местности, что впоследствии отражается на социальном составе сельских территорий. Для замотивированных выпускников с хорошими результатами обуче-

ния большее значение при принятии решения о миграции из сельской местности имеют притягивающие факторы вне зависимости от социально-экономической ситуации в районе проживания. Для остальных выпускников большее значение имеют факторы с другой силой влияния на принятие решения о миграции: выталкивающие факторы в случае депрессивных территорий, или удерживающие факторы в случае более благополучных сельских территорий.

Возвратность сельской молодежи кажется для автора сложно контролируемым явлением. Но некоторые из действий, инициированных государством, могут повлиять на эту ситуацию в целях сохранения хотя бы той части молодежи, которая хочет жить в сельской местности и нужна для сельских территорий в качестве специалистов. При принятии решений, по мнению автора, необходимо придерживаться дифференцированного подхода, выраженного в данном случае в учете локальных факторов развития сельских территорий (например, транспортно-географического положения, развитости экономической базы) и региональной специфики (например, структуры расселения, различий в социальном капитале сообществ, принципов их самоорганизации, ценностной картине населения).

Библиография

Аверкиева К. В. (2021). Внутрисельская миграция населения и локальные процессы трансформации сельской местности в лесной зоне староосвоенного Нечерноземья // Известия Российской академии наук. Серия географическая. Т. 85. № 6. С. 828–841.

Аверкиева К. В. (2024). Пригороды малого города и сельско-городская миграция. Пример райцентров Вологодской области // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 5. 724–737.

Белозеров В. С., Чичихин В. В., Глущенко И. В. (2016). Региональные особенности этнических миграций на Северном Кавказе // Наука. Инновации. Технологии. № 1. С. 71–92.

Возвратная миграция (2020): международные подходы и региональные особенности Центральной Азии: учебное пособие / Ред. С. В. Рязанцева. Алматы: Международная организация по миграции (МОМ) — Агентство ООН по миграции.

Давиденко М. Р., Рахимова У. Р., Савоскул М. С., Чучкалов А. С. (2025). Территориальная мобильность населения города Кашина и окружающей его сельской местности в 2001–2024 гг. // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 2. С. 128–139.

Имангулов Л. Р., Корюхин Д. А. (2024). Миграция молодежи в горном Левашинском районе Дагестана // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 2. С. 146–153.

Карачурина Л. Б., Флоринская Ю. Ф. (2019). Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. Геогр. № 6. С. 82–89.

Карцева М. А., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. (2024). Сельско-городская миграция в современной России через призму количественного и качественного анализа // Крестьяноведение. № 2. С. 153–179.

Катровский А. П. (2001). Трудовая и учебная миграция в Центральной России // Миграционная ситуация и миграционная политика в Центральной России. Смоленск: Универсум. С. 61–67.

Кашницкий И. С., Мкртчян Н. В., Лешуков О. В. (2016). Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. № 3. С. 169–203.

Краснослободцев В. П., Савоскул М. С. (2004). Территориальная подвижность сельского населения: изменение направлений и мотивов поездок // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. Геогр. № 4. С. 53–56.

Махрова А. Г., Бабкин Р. А., Кириллов П. Л., Старикова А. В., Шелудков А. В. (2022). Исследования и оценки масштабов возвратной мобильности и пульсаций населения в пространстве современной России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 3. С. 332–352.

Миграция сельского населения (1970) / Ред. Т. И. Заславская. М.: Мысль.

Мкртчян Н. В. (2005). Миграция в России: западный дрейф // ДЕМОСКОП Weekly. № 185–186. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2005/0185/tema02.php

Мкртчян Н. В. (2013). Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX — начале XXI века // Известия РАН. Серия географическая. № 6. С. 19–32.

Мкртчян Н. В. (2024). Миграция сельского населения в России в 2010-е годы // Демографическое обозрение. № 2. С. 21–43.

Муханова М. Н. (2015). Сельская молодежь России: настоящее и будущее // РСМ. № 3 (88). С. 26–42.

Нефедова Т. Г. (2012). Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: УРСС.

Нефедова Т. Г. (2015). Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // Известия РАН. Серия географическая. № 3. С. 41–56.

Нефедова Т. Г., Мкртчян Н. В. (2017). Миграция сельского населения и динамика сельскохозяйственной занятости в регионах России // Вестник Московского ун-та. Сер. 5. Геогр. № 5. С. 58–68.

Сулаберидзе А., Арчвадзе И., Сулаберидзе В. (2019). Основные факторы миграции и структура мигрантов в посткоммунистической Грузии // Демографическое обозрение. № 3. С. 128–151.

Трейвиш А. И. (2014). «Дачеведение» как наука о втором доме на Западе и в России // Известия РАН. Серия географическая. № 4. С. 22–32.

Шекера Е. А. (2024). Факторы миграции молодежи периферийного региона (на примере дагестанской молодежи, проживающей в Санкт-Петербурге) // Caucasian Science Bridge. № 1 (23). С. 35–55.

Kashnitsky I. (2018). Russian periphery is dying in movement: A cohort assessment of internal youth migration in Central Russia // GeoJournal. № 85. P. 173–185.

Lee E. S. (1966). A theory of migration // Demography. № 1.

Territorial differences in migration patterns of the rural youth in post-Soviet Russia

Linar R. Imangulov, Junior Researcher at the Scientific Center for the Study of Rural Issues at Vernadsky University, Balashikha, Moscow Region, 50 Entuziastov Highway. PHD student, Engineer, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Leninskie Gory, 1, 119991. E-mail: linar.imangulov.1999@mail.ru

Abstract. The article considers the features of post-Soviet migration of the rural youth in Russian regions based on the statistical data and interviews with rural school graduates, their parents and experts. The author used the age shift method to show a long-term increase in the migration outflow of the rural youth in the post-Soviet period —

from 5% to more than 18% — for cohorts born in the late 20th century. The results of the study confirmed the low attractiveness of rural areas in most regions of Russia for living. The author identified eight types of regions based on the features of post-Soviet migration of the rural youth: only three types show a smaller outflow of the youth from rural areas; for each type, the ratio of push, pull and attracting factors for the rural youth is presented. Based on the field materials, the author describes a type of return migration which is quite rare for rural regions: the return of the youth is highest in the southern agrarian regions and in the national republics of the North Caucasus; its distribution in these regions is limited. Return migration of the youth to rural areas is described on the example of eight rural districts of Bashkortostan, Krasnodar Region, Dagestan and North Ossetia–Alania. In the national republics of the North Caucasus, the return of the youth to rural areas is influenced by the social factor and the low competitiveness of rural school graduates in urban labor markets, in the Krasnodar Region — by the large-scale settlement in rural areas and high barriers for the rural youth in cities (like high real estate prices).

Key words: rural youth, population migration, educational migration, return migration, migration factors, rural areas

References

Averkieva K. V. (2021) Vnutriselskaja migratsija naselenija i lokalnye protsessy transformatsii selskoj mestnosti v lesnoj zone staroosvoennogo Nechernozemya [Intra-rural population migration and local transformations of rural areas in the forest zone of the old-developed Non-Black-Earth region]. *Proceedings of the RAS. Geographical Series*, vol. 85, no 6, pp. 828–841.

Averkieva K. V. (2024) Prigorody malogo goroda i selsko-gorodskaja migratsija. Primer rajtsentrov Vologodskoj oblasti [Small-town suburbs and rural-urban migration. An example of regional centers in the Vologda Region]. *Proceedings of the RAS. Geographical Series*, no 5, pp. 724–737.

Belozerov V. S., Chichikhin V. V., Glushchenko I. V. (2016) Regionalnye osobennosti etnicheskih migratsij na Severnom Kavkaze [Regional features of ethnic migrations in the North Caucasus]. *Science. Innovation. Technologies*, no 1, pp. 71–92.

Davidenko M. R., Rakhimova U. R., Savoskul M. S., Chuchkalov A. S. (2025) Territorialnaja mobilnost' naselenija goroda Kashina i okruzhajushchej ego selskoj mestnosti v 2001–2024 gg. [Territorial mobility of the population of the Kashin city and the surrounding countryside in 2001–2024]. *Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography*, no 2, pp. 128–139.

Imangulov L. R., Koryukhin D. A. (2024) Migratsija molodezhi v gornom Levashinskom rajone Dagestana [Youth migration in the mountainous Levashinsky district of Dagestan]. *Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography*, no 2, pp. 146–153.

Karachurina L. B., Florinskaya Yu.F. (2019) Migratsionnye namerenija vypusknikov shkol malyh i srednih gorodov Rossii [Migration intentions of school graduates in small and medium-sized cities of Russia]. *Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography*, no 6, pp. 82–89.

Kartseva M. A., Mkrtchyan N. V., Florinskaya Yu.F. (2024) Selsko-gorodskaja migratsija v sovremennoj Rossii cherez prizmu kolichestvennogo i kachestvennogo analiza [Rural-urban migration in contemporary Russia through the prism of quantitative-qualitative analysis]. *Christianity*, no 2, pp. 153–179.

Kashnitsky I. (2018) Russian periphery dies in motion: A cohort assessment of the internal youth migration in Central Russia. *Geo Magazine*, no 85, pp. 173–185.

Kashnitsky I. S., Mkrtchyan N. V., Leshukov O. V. (2016) Mezhregionalnaja migratsija molodezhi v Rossii: kompleksny analiz demograficheskoj statistiki [Interregional youth migration in Russia: A comprehensive analysis of demographic statistics]. *Issues of Education*, no 3, pp. 169–203.

Katrovsky A. P. (2001) *Trudovaja i uchebnaja migratsija v Tsentralnoj Rossii* [Labor and Educational Migration in Central Russia], Smolensk: Universal, pp. 61–67.

Krasnoslobodtsev V. P., Savoskul M. S. (2004) Territorialnaja podvizhnost selskogo naselenija: izmenenie napravlenij i motivov poezdok [Territorial mobility of rural population: Changing directions and motives of trips]. *Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography*, no 4, pp. 53–56.

Lee E. S. (1966) Migration theory. *Demography*, no 1.

Makhrova A. G., Babkin R. A., Kirillov P. L., Starikova A. V., Sheludkov A. V. (2022) Issledovanija i otsenki masshtabov vozvratnoj mobilnosti i pulsatsij naselenija v prostranstve sovremennoj Rossii [Studies and estimates of the scale of return mobility and population flows pulsations in the space of contemporary Russia]. *Proceedings of the RAS. Geographical Series*, no 3, pp. 332–352.

Migratsija selskogo naselenija (1970) [Migration of Rural Population]. Ed. by T. I. Zaslavskaya, Moscow: Mysl.

Mkrtchan N. V. (2013) Migratsija molodezhi v regionalnye tsentry Rossii v kontse XX — nachale XXI veka [Migration of the youth to the Russian regional centers in the late 20th — early 21st centuries]. *Proceedings of the RAS. Geographical Series*, no 6, pp. 19–32.

Mkrtchyan N. V. (2005) Migratsija v Rossii: zapadny drejf [Migration in Russia: A Westward drift]. *Demoscope weekly*, no 185–186.

Mkrtchyan N. V. (2024) Migratsija selskogo naselenija v Rossii v 2010-e gody [Migration of the Russian rural population in the 2010s]. *Demographic Review*, no 2, pp. 21–43.

Mukhanova M. N. (2015) Selskaja molodezh Rossii: nastojashchee i budushchee [Russian rural youth: Present and future]. *RSM*, no 3, pp. 26–42.

Nefedova T. G. (2012) *Desjat aktualnyh voprosov o selskoj Rossii: otvety geografa* [Ten Topical Questions about Rural Russia: A Geographer's Answers], Moscow: URSS.

Nefedova T. G. (2015) Migratsionnaja podvizhnost naselenija i otkhodnichestvo v sovremennoj Rossii [Migration mobility of population and seasonal work in contemporary Russia]. *Proceedings of the RAS. Geographical Series*, no 3, pp. 41–56.

Nefedova T. G., Mkrtchyan N. V. (2017) Migratsija selskogo naselenija i dinamika selskokhozjaistvennoj zanjatosti v regionah Rossii [Migration of rural population and dynamics of agricultural employment in Russian regions]. *Bulletin of the Moscow University. Series 5: Geography*, no 5, pp. 58–68.

Shekera E. A. (2024) Faktory migratsii molodezhi periferijnogo regiona (na primere dagestanskoj molodezhi, prozhivajushchej v Sankt-Peterburge) [Factors of the youth migration from peripheral regions (on the example of the Dagestan youth in Saint Petersburg)]. *Caucasian Scientific Bridge*, no 1, pp. 35–55.

Sulaberidze A., Archvadze I., Sulaberidze V. (2019) Osnovnye faktory migratsii i struktura migrantov v postkommunisticheskoj Gruzii [Main factors of migration and structure of migrants in post-communist Georgia]. *Demographic Review*, no 3, pp. 128–151.

Treyvish A. I. (2014) "Dachevedenie" kak nauka o vtorom dome na zapade i v Rossii ["Dacha science" as a study of the second home in the West and Russia]. *Proceedings of the RAS. Geographical Series*, no 4, pp. 22–32.

Vozvratnaja migratsija (2020): *mezhdunarodnye podkhody i regionalnye osobennosti Tsentralnoj Azii* [Return Migration (2020): International Approaches and Regional Features of Central Asia]. Ed. by S. V. Ryazantsev, Almaty: IOM.